

Рисунок Льва Межберга

Странные вещи случаются с нами в эмиграции. Вдруг мы ссоримся со старыми друзьями. А ссоримся мы часто, и часто потом и не вспомнить, почему. Иногда люди, которых мы знали давно, но шапочно, становятся дорогими и близкими.

Льва Межберга, Люсика, я знал в Одессе давно. Встречались на выставках, у общих знакомых. Один раз я был в его мастерской вместе с Иваном Михайловичем Федорковым. Помню, меня поразили натюрморты, написанные исключительно белым, разными вариациями и оттенками белого цвета.

В Нью-Йорке мы подружились. Встречи всегда радовали и оставляли ощущение их значительности. Когда я ушел на пенсию, жена устроила парти. Было много друзей. Люсик принес картину (королевский подарок). Он выглядел нездоровым и очень постаревшим. Потом он уехал в Италию.

Вдруг он появился в моей антикварной лавке помолодевший, полный

энергии. С ним была молодая красивая девушка, смотревшая на него с обожанием. Я был рад видеть его, видеть его таким.

Когда-то у меня была картина "Бродская синагога в Одессе", и я рассказал Люсику, как я жалею, что у меня ее больше нет. "Дай мне лист бумаги", — сказал он. Через 20 минут Бродская синагога и говорящие со своим Богом одесские евреи проявились в моей лавке в Нью-Йорке, — один из самых дорогих мне рисунков. В этот день меня переполняло ощущение радости, и я обзвонил всех друзей и знакомых.

Люсика больше нет. Рисунок, подаренный мне в тот день, висит над моим столом — память о Люсике Межберге, память об Одессе.

Нью-Йорк

